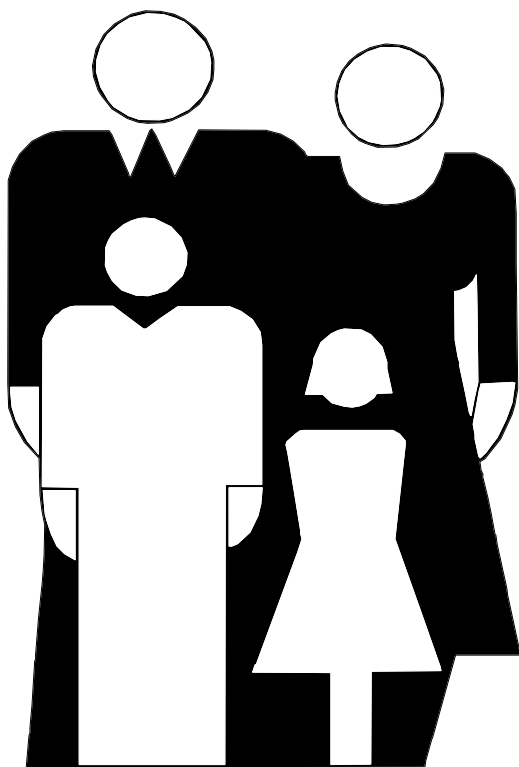

ГЕНЕТИКА

ВРАГ ТЕОРИИ

ЭВОЛЮЦИИ

Лейн П. Лестер, доктор философии

ГЕНЕТИКА

враг теории эволюции

Лейн П. Лестер, доктор философии

Генетическая наука и теория эволюции непримиримо враждовали с момента рождения обеих. Грегор Мендель, основоположник генетики, и Чарльз Дарвин, отец теории эволюции, были современниками. Дарвин утверждал, что живые существа могут превращаться одно в другое; Мендель же показывал, что даже индивидуальные характеристики остаются неизменными. Идеи Дарвина базировались на ошибочных и недоказанных гипотезах о наследственности; выводы Менделя — на скрупулезном экспериментировании. Почему же работы Менделя оставались невостребованными около 35 лет? Об этом можно только догадываться. Лично я полагаю, что идеи Дарвина были немедленно подхвачены, потому что грешному человеку хотелось как-то оправдать свое безразличие к Богу, свои сомнения в Его существовании. Но к концу XIX века выводы Менделя подтвердились экспериментально, и эволюционистам не оставалось ничего иного, кроме как включить их в свои теории. Они делают это и по сей день, но очень избирательно. Ибо поддерживать миф об эволюции можно, лишь отрицая принципы современной генетики.

Но я хотел бы поговорить не об эволюции, а о Творении и о доказательстве генетики в пользу могущества и славы Творца. Креационисты слишком долго развенчивали теорию эволюции и слишком мало рассказывали о сотворении мира. Не зря сторонники теории эволюции называют нас скорее анти-эволюционистами, нежели креационистами. Доктор Вильям Мейер не устает повторять, что креационной модели мира не существует — просто анти-эволюционисты привлекают внимание к недостаткам эволюционной модели. Безусловно, если противоборствующих теорий всего две, то развенчать одну из них — значит доказать другую. Но верно и то, что креационизм не достигнет широкого признания, пока не сможет стать базисом для современной науки. Том Бетелл в статье по экономике в *Нэйшнл Ревью* пишет: *“Дискредитирование теории — научной или экономической — непременно должно повлечь за собой рождение альтернативной гипотезы. Дарвинская теория естественного отбора, в последние годы многократно объявленная бессмысленной из-за*

порочного круга в системе доказательств, все-таки жива — у нее нет достойной соперницы”.¹ Я полагаю, что отсутствие науки, основанной на креационной модели, способствовало повсеместному распространению теории эволюции — даже среди тех, чей склад ума отвергает ее.

Сейчас, к счастью, ситуация меняется. Все больше ученых-креационистов сосредоточились на создании научной креационной модели, а не на развенчании пороков модели эволюционной. Исследования, проводящиеся как в христианских, так и в секулярных колледжах и университетах, ориентированы на возрождение науки, основанной на креационизме. Я говорю “возрождение”, ибо изначально науку создавали именно креационисты, которые знали, что разумный Творец создал разумную Вселенную, и разумный человек может многое узнать об этом путем наблюдения, эксперимента и научного мышления.

Теперь рассмотрим некоторые свидетельства генетики, способствующие развитию новой биологической науки, основанной на креационной модели мира. Удобно будет классифицировать эти свидетельства по четырем основным причинам изменений в живых организмах: окружающая среда, рекомбинация, мутация и Творение. Сочетание этих причин позволяет объяснить любые различия между живыми существами.

Окружающая среда

Под окружающей средой я подразумеваю внешние факторы, влияющие на организм на протяжении его жизни. Например, у одного человека кожа смуглее, чем у других, потому что он больше времени проводит на солнце. У другого сильно развиты мускулы, потому что он больше занимается спортом. Третий менее подвержен заболеваниям, потому что правильно питается. Все эти обусловленные средой признаки могут передаваться по наследству. Чарльз Дарвин тоже разделял это заблуждение, ибо оно как нельзя лучше соответствовало его теории. Он, в частности, объяснял наличие длинной шеи у жирафов как *“результат наследования использования данной части тела”*.² В голодные времена жирафы вытягивали шею, чтобы достать листья с верхних ветвей деревьев, и впоследствии длинная шея якобы становилась наследственным признаком. Те, кто изучает живой мир, исходя из идеи Творения, не могут разделить это заблуждение, так как понимают, что совершенное творение уже заключает в себе совершенные признаки, но имеющие нужды в возникновении новых.

Рекомбинация

Второй источник изменений — рекомбинация, "перетасовка" генов. Именно из-за нее дети, хотя и похожи на родителей, но не как две капли воды. Открытие законов рекомбинации стало огромным вкладом Менделя в генетику. Мендель изучил семь пар свойств садового горошка. В каждом случае он показал, что свойства никуда не исчезают — они могут лишь не проявляться в определенном поколении; а новые свойства проявляются лишь постольку, поскольку их генетические факторы присутствуют заранее. Рекомбинация делает возможными определенные изменения в пределах изначально созданного вида. Но эти изменения ограничены, поскольку вызываются лишь "перетасовкой" уже существующих генов. Вот несколько примеров, которые могут помочь уяснить ограниченный характер изменений.

От дикой индийской курицы произошло множество разновидностей цыплят. Но новые виды не возникли, так как в получившихся породах просто перераспределились заранее существовавшие гены дикой индийской курицы. Из растениеводства возьмем пример сахарной свеклы. С начала прошлого века свекловоды старались увеличить в ней содержание сахара. И им сопутствовал успех. За семьдесят пять лет селекционеры стали возможным поднять содержание сахара с 6% до 17%. На этом улучшения затормозились. Почему? Да потому, что все гены, ответственные за производство сахара, сконцентрировались в одном сорте, и дальнейшее улучшение стало невозможным.

И напоследок рассмотрим пример рекомбинации, описанный Чарльзом Дарвином. За время своего кругосветного путешествия, начавшегося в 1831 году, Дарвин наблюдал множество замечательных растений и животных. Но самыми прекрасными оказались флора и фауна Галапагосских островов. Дарвина очень заинтересовали птицы-вьюрки. Представители этой группы сильно отличались друг от друга внешним видом и образом жизни. Дарвин, с моей точки зрения, пришел к абсолютно верным выводам относительно причин этого разнообразия. По его мнению, несколько особей были занесены на острова ветрами, дующими с материка Южной Америки; а вьюрки, которых наблюдал он сам, были потомками тех пионеров. Однако Дарвин видел во вьюрках пример эволюции; мы же смело можем назвать их разнообразие результатом рекомбинации

в пределах единого вида. Генетическая вариативность первых вьюрков была достаточной для появления современных разновидностей.

Мутация

Рассмотрим третий источник изменений — мутацию. Мутации — это ошибки в процессе копирования генетической информации. Каждая живая клетка имеет сложный молекулярный механизм, предназначенный для копирования ДНК — генетической молекулы. При этом, как и при всяком копировании, изредка случаются ошибки. Примерно один раз на каждые 10 — 100 тысяч копий встречается искаженный ген. Клетка обладает механизмом для исправления подобных ошибок, но изредка мутации все же случаются. Какие же изменения влекут они за собой? Часто — никаких. Генетический код несколько избыточен, поэтому малые изменения в ДНК не имеют последствий. Иногда последствия все-таки случаются, но они очень незначительны и не оказывают влияния на данное существо. Однако немало мутаций оказывают очень и очень весомое воздействие на своих носителей. Исходя из креационной модели, каким может быть воздействие случайных генетических ошибок? Наверняка оно должно быть вредным, губительным для организма. Именно так и происходит. Рассмотрим это на примерах.

Весьма интересный пример мутации — альбинизм (отсутствие нормальной пигментации), встречающийся у многих животных и растений. У животных-альбиносов эта мутация имеет различные вредные побочные эффекты — например, ослабленное зрение. Что же касается растений, то для них альбинизм попросту губителен. Без хлорофилла невозможен фотосинтез; а если семя не получает питания, то росток погибает.

Непревзойденный источник информации о действии мутаций — *Drosophila melanogaster*, или обычная плодовая мушка. Генетики занимаются ее выведением с начала века, и с 1910 года, когда была отмечена первая мутация, их исследовано около 3000!³ Все эти мутации вредны или, в лучшем случае, безвредны; ни одна из них не обусловила появление более "удачной" плодовой мушки. В соответствии с креационной моделью мира иначе и быть не могло.

Несколько слов о контроле над мутациями. Конечно, если бы мутации беспрепятственно распространялись в популяциях, жизнь вскоре прекратила бы свое существование. Препятствовать распространению мутаций — одна из основных функций естественного отбора. Естественный отбор, несмотря на порочный круг в его теоретическом обосновании — реальный и очень важный фактор истории жизни. Но тот факт, что Чарльз Дарвин первым привлек внимание к естественному отбору, говорит не о ценности его концепции, а об удручающем состоянии креационной науки в середине прошлого века.

Естественный отбор — ни больше, ни меньше, чем ярлык, который мы приклеили, к тому общеизвестному факту, что одни существа жизнеспособнее других, и именно они вносят больший вклад в будущие поколения. Излюбленный пример естественного отбора — *березовая пяденица*, *Biston betularia*. Всем известно, что она всегда существовала в двух разновидностях — крапчатая и черная. В доиндустриальной Англии стволы многих деревьев были светлыми — из-за цвета коры или из-за растущего на них лишайника. Такая окраска деревьев служила камуфляжем для крапчатой разновидности моли, и птицы чаще клевали именно черную. В коллекциях тех времен также встречается гораздо больше крапчатых экземпляров, чем черных. С приходом в Англию индустриальной эпохи одним из главных источников энергии стал уголь. Поскольку тогда не существовали общества охраны окружающей среды, слой копоти от сжигания угля появился вскоре на всем, включая и стволы деревьев. Стволы почернели, и новая их окраска стала камуфляжем уже для черной моли, а ее крапчатым товарищам приходилось туго. Вскоре черных особей стало несравненно больше, чем крапчатых. Все это можно рассматривать как пример положительной роли естественного отбора. Когда популяции сталкиваются с изменением окружающей среды, как в вышеописанном случае или в результате миграции, естественный отбор увеличивает комбинации тех свойств, которые помогают организму выжить в новых условиях. Превентивная роль естественного отбора проявляется в уничтожении или сведении к минимуму вредных мутаций, чтобы предотвратить их распространение по популяции.

Существуют ли полезные мутации? Боюсь, что в этом вопросе я расхожусь во мнениях с большинством коллег-креационистов, считающих, что это невозможно. Полезная мутация — та, которая позволяет своим носителям сделать больший, чем у немутировавших особей, вклад в будущие поколения. Например, в 1914 году во Флориде произошла мутация томатов, вызвавшая изменения в росте и облегчившая сбор. Благодаря селекции, эта мутация распространилась на культурные сорта томатов. Мутации бактерий, придающие устойчивость к воздействию антибиотиков, безусловно, выгодны для бактерий, находящихся в насыщенной антибиотиками среде. Разумеется, во всех этих случаях и речи не идет о том, чтобы в результате мутации одно существо эволюционировало в другое.

Существуют и более значительные изменения,

влекущие за собой потерю или ухудшение какой-либо структуры или функции. Дарвин описал бескрылых жуков с острова Мадейра. Для насекомого, живущего на ветреном острове, крылья могут стать настоящим бременем. Таким образом, мутация, приведшая к потере крыльев, стала для них спасительной. Подобная история произошла с безглазыми пещерными рыбами. Глаза — очень уязвимый орган; и существа, живущие в полной темноте, несомненно выиграли от мутации, уменьшившей их уязвимость. Бесспорно, эти мутации производят радикальные изменения полезного характера; но важно заметить, что они всегда предполагают потери, и никогда — приобретения. Никто и никогда не слышал, чтобы в результате мутации появились глаза или выросли крылья у существа, ранее их никогда не имевшего.

Творение

И, наконец, четвертый и главный источник изменений — Творение. Почему это — важнейшая часть истории жизни? Да потому, что тремя первыми источниками изменений невозможно объяснить все многообразие жизни на Земле. Принципиальная черта креационной модели — существенное генетическое разнообразие в пределах одного созданного вида. Только так можем мы объяснить происхождение лошади, осла и зебры от одного и того же вида; льва, тигра и леопарда от одного и того же вида; домашней собаки (около 118 разновидностей) и шакала, волка, лисы от одного и того же вида. И поскольку все виды были подчинены повелению Господа “плодитесь и размножайтесь”, случайные процессы рекомбинации и более целенаправленный процесс естественного отбора помогли тому, что каждый вид подразделился на то великое разнообразие, которое мы с вами видим сегодня.

Литература:

- 1 Bethell, Tom, *The Death of Keynes: Supply-side Economics*, *National Review*, December 31, 1980, p.1562.
- 2 Darwin, Charles, *The Origin of Species*, *The New American Library*, 1958, p.202.
- 3 Lindsey, Dan L., and E.H.Grell, *Genetic Variations of Drosophila Melanogaster*, *Carnegie Institution of Washington Pub. No.627*, 1967.

GENETICS: ENEMY OF EVOLUTION. Lane P. Lester, Ph. D.

Крымское общество креационной науки, 1995. Буклет № 4

Перевод с английского — Евгения Канищева

95011 Симферополь, ул.Севастопольская 30/7, ОС 11

При перепечатке ссылка обязательна